

Марьяна Олейник

Акула пера

Ночь после рождества

Снежинки сыпались с насупленного неба, словно из прорехи огромной пуховой перины. Подхваченные порывами ветра, они то кидались врассыпную, то сплетались в узорчатые кружева или выписывали затейливой вязью только им понятные письма. Извивались снежные змеи, грозя обвить колкими кольцами любого неосторожно пустившегося в этот час в дорогу путника.

Ника поежилась, хотя в салоне их машины было тепло и уютно.

— Вить, ты дорогу хоть видишь?

— Не бойсь, прорвемся, — преувеличенно бодро ответил Виктор, взглядываясь в буйствующие в свете фар снежные завихрения.

Вошедшие в раж снежинки соединялись в хлопья, норовя наглухо залепить ветровое стекло. «Дворники» старались изо всех сил, но силы были явно неравными.

Виктору показалось, что впереди метнулась тень, он ударил по тормозам, резко крутанул руль, Фордик выписал пируэт и нырнул в кювет.

— Мы уже приехали? — встрепелась Света, всю дорогу безмятежно дрыхнувшая на заднем сиденье.

— Приехали, — вздохнул Виктор и полез наружу. Следом выбрались и Ника со Светой.

— Похоже, самим нам машину не вытащить, — оценил Виктор ситуацию. — Надо ждать, может, кто-то будет ехать.

— Когда я была маленькая, я в такую погоду боялась, что приедет на своих белых санях Снежная королева, перепутает меня с Каем и заберет с собой, — Света заправила под капюшон шубки каштановый локон. — И придется мне в ее чертогах выкладывать льдинками слово «Вечность»... Ой, смотрите, кто-то едет!

По дороге действительно что-то двигалось. Из снежной круговерти вынырнул и притормозил черный Ленд Крузер. Из него вывалился крепко сбитый русоволосый мужик в расстегнутом пуховике и высоких ботинках на ребристой подошве.

— Опаньки! Витюша! А я думаю — кто тут привал устроил? Доброго здоровьичка, девицы-красавицы! — радостно заорал мужик, раскинул руки и пошел на жавшихся к машине девушек.

— Панфил Лукич! Нам вас Бог послал! — заорал в ответ Виктор. — А мы как раз к вам

добираемся. Знакомьтесь: Вероника, моя невеста, Светлана, ее подруга. Девчонки, это Панфил Лукич, старый друг моего дяди и сельский голова Малых Метеор, я вам рассказывал. Он мне и подал идею поехать к ним на Рождество.

— Так, Витюша, поцеремонничаем после, а сейчас берем барышень в охалку и быстренько грузимся в мою ласточку. За вашим... воробушком, — Панфил Лукич кивнул на застрявший в сугробе Фордик, — я трактор отправлю. Кто тебя надоумил по этой дороге на легковушке ехать?

— GPS, будь он неладен, — проворчал Виктор. — «Через триста метров поверните направо», — передразнил он механическую девушку, заманившую их в ловушку.

— Твой GPS явно не согласовал маршрут с графиком нашего тракториста, — засмеялся Лукич. — Если б не я, рождественская ночь в сугробе была б вам обеспечена.

Барышни, не дожидаясь, когда их возьмут в охалку, проворно забрались в теплое нутро Ленд Крузера. Виктор и Панфил Лукич погрузили в багажник джипа дорожную сумку Ники и Светин чемодан на колесиках.

«Ласточка» сыто заурчала и принялась резво рассекать снежную пелену.

— Ну, как ты, Витюш? Работаешь там же? — завел беседу Лукич.

— Там же, повысили меня недавно — до замначальника службы безопасности компании.

Лукич одобрительно хмыкнул.

— Панфил Лукич, а что за название такое — Малые Метеоры? — спросила Ника. — Витя нам рассказал невероятную историю, но мы ему не очень-то поверили.

— Да история-то вначале обычная была, — отозвался Лукич. — Лет семь назад на Урале упал метеорит. Об этом и по телевизору говорили, и в Сети писали... А вот о том, что от метеорита на лету откололся кусочек да угодил прямехонько в центр нашего села — тогда еще, по-старому, Каратулей, — не упоминали. Ну, угодил — и угодил, чуть не зашиб, к слову, нашего священника, отца Арефия. Мы его тогда снесли в школьный музей — в смысле, не отца Арефия снесли, а метеорит. Это уже потом на него ученые посмотрели, эксперты, сертификат выписали, — все по высшему разряду... А только с тех пор жизнь в нашем селе началась другая. Урожаи собираем вдвое, втрое больше обычного. Дела у всех пошли в гору — хозяйство там, торговля, бизнес... Люди повеселели, болеют реже. Пить стали меньше! Молодежь, которая в город сбежала, домой вернулась. Туристы к нам потянулись. Года три назад на сходе решили сельчане, что Каратули — звучит несолидно. Мол, в Греции есть Метеоры —

уникальное место, восьмое чудо света, и все такое. Ну, на девятое чудо света мы пока не претендуем, поэтому постановили в честь нашего метеорита переименоваться в Малые Метеоры.

— А не боитесь, что к вам ломанутся толпы охотников до сладкой жизни? — встрял Виктор. — И станут Метеоры первым в стране селом-миллионником...

— Пока очереди желающих не наблюдается. Кто думает, что нам теперь все с неба падает, тот ошибается. Народ у нас работающий, сельский труд — тяжелый... К тому же, добрым людям мы всегда рады, а плохие в нашем селе как-то не приживаются. Год-два — и съезжают.

— А где сейчас ваш чудо-камень? — поинтересовалась Ника. — Можно его увидеть?

— Вам повезло, — кивнул Лукич. — Так-то он хранится в городском краеведческом музее, там видеонаблюдение, сигнализация, все дела. Но раз в два года мы его привозим в село и в день, когда он на нас упал, показываем всем желающим. Люди верят, что он приносит удачу. А упал он 8 января, в аккурат после Рождества. Вот послезавтра мы как раз и будем отмечать День Малых Метеор, так что камушек на месте.

Пляска обезумевших снежинок внезапно прекратилась. Стена метели осталась позади, а впереди открылся пейзаж, который мог бы

послужить декорацией для съемок «Ночи перед Рождеством». Хотя нет, не мог бы: слишком уже современно выглядели разбежавшиеся нестройными рядами от центральной площади дома, укутанные заснеженными палисадниками. Зато небо с бледно-желтым ломтиком луны не отличалось, наверное, от того, в котором гоголевский черт воровал месяц, а ведьма прятала в рукав звезды.

— Добро пожаловать в Малые Метеоры! — торжественно объявил Панфил Лукич. — Желаете первым делом в гостиничку — или поедем ко мне, похлебаем чего-нибудь горячительного? Борщеца там, чайку... С дороги-то!

— Спасибо большое, Панфил Лукич, — сказала Ника. — Нам бы сначала умыться, переодеться... Да, Свет?

«Гостиничка» оказалась трехэтажным зданием, отделанным в стиле фахверк. Интерьер холла приятно удивил Нику стильностью и продуманностью. У барной стойки на высоком стуле сидел молодой симпатичный парень в толстом сине-белом свитере со скандинавским узором, с темными, зачесанными назад волосами и модной легкой небритостью. При виде ввалившейся в холл компании он соскочил со стула и шагнул навстречу.

— Тимоша, принимай гостей! — Лукич обменялся с темноволосым рукопожатиями. —

Прошу любить и жаловать — Тимофей, хозяин гостиницы, застрельщик и спонсор многих наших добрых дел.

— Вы правильно сделали, что заранее забронировали номера, — белозубо улыбнулся застрельщик, — раз в два года в это время наш отель забит под завязку.

Не успела Ника оглянуться, как Тимофей подхватил их багаж и стал подниматься по лестнице, пригласив новых постояльцев последовать его примеру.

— Ты заметила, как он на тебя посмотрел? — прошептала Ника и легонько пихнула Светку в бок.

— Я еле предыдущую личную драму пережила, а ты уже хочешь втравить меня в следующую? — Света попыталась придать лицу скорбное выражение, но не выдержала и фыркнула.

— Мое мнение ты знаешь: драма была бы, если б ты с Эдиком осталась...

Светлана полгода назад рассталась со своим на тот момент почти женихом и до сих пор из-за этого переживала. Ника, разумеется, считала, что Эдик Светкиных слез не стоил. Предлагая подруге съездить вместе с ними в Малые Метеоры, она надеялась, что Света немного развеется.

С Лукичом они договорились встретиться через час в холле гостиницы: он выразил желание самолично показать им Малые Метеоры, начиная с

главной местной достопримечательности — метеорита.

Когда Виктор и девушки спустились в холл, Тимофей растапливал камин, а Лукич спорил о чем-то с невысоким полноватым пышноусым мужчиной. Завидев их, усач вытянулся «во фронт» и щелкнул каблуками, — или Нике показалось, что щелкнул?

— Разрешите отрекомендоваться: Михаил Ефимович, начальник ММДПД — Малометеорской добровольной пожарной дружины.

— ММ... чего? — удивленно переспросила Ника, протягивая новому знакомцу руку, к которой тот, к ее еще большему удивлению, приложился усами. Свете он тоже поцеловал руку, Виктору крепко пожал.

— Вы не представляете, как у нас здесь высоко развито пожарное дело! — пробасил Михаил Ефимович. — Систематически обучаем односельчан, от мала до велика, противостоять возгораниям.

— Михал Ефимыч у нас редкий э... энтузиаст, даже в Сочельник учения устроил, все село сегодня по тревоге поднял, — пожаловался Лукич гостям. — А люди-то подумали, что и вправду на околице старый овин загорелся! Это ж надо такое в праздник учудить!.. Справедливости ради надо сказать, Ефимыч, что от твоих шлангов бывает и

польза, — Лукич похлопал начальника дружины по плечу. — Вон как твои добровольцы наши ледяные фигуры-то отполировали — любо-дорого глядеть!.. Сейчас, ребятки, все сами увидите.

Процессия двинулась к выходу. Света, сделав шаг, остановилась.

— Что-то голова закружилась... Видно, немножко укачало в дороге, — слабым голосом сказала та, которая не укачивалась, по словам Светиной мамы, даже в коляске, будучи младенцем. — Не беспокойтесь, я посижу здесь немножечко, и все пройдет. А вы идите, идите! — и выразительно посмотрела на подругу. Тимофей заверил Нику, что ей действительно не о чем беспокоиться, он за Светланой присмотрит.

На улице Михаил Ефимович, рассыпавшись в извинениях, заявил, что вынужден на время их покинуть, дабы предаться неотложным делам. Лукич облегченно вздохнул и повел Нику и Виктора в сельсовет, где «в надежном месте» был спрятан метеорит. Вдруг из-за угла выскочил устрашающего вида черный мохнатый пес в ошейнике и с лаем бросился к ним. Ника и Виктор отпрыгнули в снег, а пес принялся ластиться к Лукичу. Попутно он обнюхал спутников хозяина и, очевидно, признал их своими.

— Кудлай! Снова где-то проказничал? — Лукич присел и потрепал пса по шее, тот встал на

задние лапы, а передние положил Лукичу на плечи. — Проказник, каких мало, котам спуску не дает. Но умный, чертяка, и добрый! Люблю его, поганца! Все время на привязи держать жалко, отпускаю, он и носится по всему селу. Хорошая собака, хорошая!.. — последние слова адресовались Кудлаю, который, приняв хозяйские заверения в любви, умчался проказничать.

Сельсовет, как и отель, стоял рядом с главной площадью села. Лукич увлек гостей в свой кабинет, обставленный не хуже кабинетов столичных начальников. Поколдовав у задвинутого в угол внушительных размеров сейфа, он вытащил большой фанерный ящик и торжественно водрузил на стол для совещаний. Из ящика Лукич вынул большую картонную коробку, из коробки — увесистую деревянную шкатулку, которую картинно поставил перед замороженными зрителями.

— Да вы прямо Гудини! — восхитился Виктор.

— Конспирация! — почему-то ответил Лукич. Глядя на Виктора и Нику, он развернул шкатулку к ним и открыл защелку. — Готовы? Прошу!

На бархатной подушечке покоилась коричнево-золотистая стеклянная шишка с аккуратной петелькой.

Панфил Лукич, заподозрив по выражениям

лиц Ники и Виктора неладное, заглянул в шкатулку.

— Опаньки! Украли-таки! — всплеснул он руками и обессилено рухнул в кожаное офисное кресло, которое под ним жалобно скрипнуло.

Первым нашелся Виктор.

— Панфил Лукич, главное, не паникуйте! Кто еще знает, как открывается ваш сейф?

— Никто.

— Зайдем с другой стороны. Кто знал, где лежал метеорит? Соберитесь, Панфил Лукич!

Лукич послушно собрался.

— Отец Арефий, Тимофей, Ефимыч, — начал перечислять он, — супруга моя Марфа Валерьевна знала, а это значит, что еще минимум полсела было в курсе...

Виктор секунду подумал, потом подошел к сейфу и попробовал сдвинуть его с места. Монументальная с виду конструкция легко поддалась. Задняя стенка «сейфа» представляла собой фанерку, держащуюся на нескольких наполовину вывернутых шурупчиках.

— Панфил Лукич, что это за бутафория?! Хороша конспирация! Вы что, не могли обзавестись нормальным сейфом?!

— Так не от кого прятать-то было! — воскликнул Лукич. — Свои же люди кругом! У нас в селе за последние пять лет ни одной кражи не

было! Разве что ребятишки яблоки из садов воровали, и то с разрешения хозяев!

— Вот кто-то из «своих» и приделал ножки вашему артефакту, — не удержался Виктор.

— Сыпь, сыпь соль мне на рану, Витюша! — Лукич обхватил голову руками. — Что ж теперь делать-то? Что я послезавтра утром людям покажу? Шишку?! Туристы иностранные понаехали... Международным скандалом пахнет! Полицию придется вызывать — набегут, испортят людям праздник, а нам — репутацию...

В Нике, несмотря на ее внешнюю сдержанность и избранную ею профессию, был чрезвычайно живуч дух авантюризма. Упустить шанс куда-нибудь впутаться она не могла.

— Панфил Лукич, я учусь на юриста, хочу стать следователем, — осторожно сказала она, — может, мы с Витей попробуем поискать артефакт? Возможно, его еще не успели вывезти из села.

— А это мысль, — задумчиво произнес Лукич. — Терять-то все равно уже нечего, так почему бы и не попробовать? К слову, у нас перед праздниками правило — «всех впускать, никого не выпускать». Шутка. А если серьезно, сегодня из села вроде бы никто не уезжал, а утречком метеорит был на месте, я проверял.

— Значит, договорились, — кивнула Ника. — Тогда сразу же и приступим к опросу первого

подозреваемого.

— Это кого же? — поднял брови Лукич.

— Вас.

* * *

— Опаньки!

— Ник, ты ниче не перепутала? Может, ты хотела сказать — потерпевшего? — уточнил Виктор.

— Извините, Панфил Лукич, но для начала я предлагаю подозревать всех, кто сегодня мог войти в ваш кабинет и выйти из него с артефактом в кармане, — твердо сказала Ника, — включая вас.

— Ну, в карман он вряд ли влез бы, он размером с... — Лукич пошарил глазами по потолку, — с добрый кочан капусты!

— Тем не менее, похититель, скорее всего, беспрепятственно вынес его из здания, — резонно заметил Виктор. — Не для того же он его похищал, чтобы просто переложить с места на место?

— Это-то и странно, — Лукич подергал себя за нос. — Ладно я расслабился, бдительность притупилась... Но на входе у нас, сами видели, как положено, вахтер сидит. Дед Игнат — человек старой закалки, мимо него мышь не пронесешь, не то что метеорит. Погодите-ка, я у него спрошу.

Вызываемый абонент долго не отвечал.

— Игнат, чего трубку не берешь? — напустился Лукич на вахтера, когда тот наконец отозвался. — Снова в «Танчики» играешь? Не в «Танчики»? А во что? Тьфу, Игнат, я хотел спросить, ты сегодня с поста отлучался? Нет? Только на пожар? Все побежали, и ты побежал? А если завтра все побегут в прорубь сигать, ты тоже сиганешь? И какой ты после этого форпост? Огорчил ты меня, Игнат. Отбой.

— Ну, вот, — развел руками Лукич, — получается, между десятью утра и одиннадцатью в сельсовете никого не было. Окромя вора.

Айфон Панфила Лукича заиграл хит сезона «Деспасито».

— Але! Ефимыч, не до тебя сейчас! — раздраженно бросил Лукич. — У нас тут ЧП случилось... Нет, пока ничего не нужно. Пытаемся решить вопрос силами прибывших столичных специалистов... Нет... И не думай!.. А вот это, пожалуй, можно. Отбой.

— Значит, мы уже знаем, когда, предположительно, произошла кража, — продолжила Ника. — Вопрос не менее, если не более, важный — мотив?

— Может, метеорит украли, чтобы продать? — подхватил Виктор. — Я перед нашей поездкой почитал о метеоритах: оказывается, они нынче в большой цене. Особенно те, что прилетели

с Луны или с Марса. Один грамм такого камешка может стоить в десять-двадцать раз дороже золота! А если камешек весит несколько килограммов?! Их даже продают на аукционах, таких, как Кристис.

— Кто же их покупает? — спросила Ника.

— Музеи, университеты, ученые NASA, частные коллекционеры... А еще мелкие камешки вставляют в ювелирные изделия. Панфил Лукич, ваш откуда — с Луны, с Марса? Или с Юпитера?

— Да хоть с Большой Медведицы! — хлопнул ладонью по столу Лукич. — Нашему нет цены!.. Не хотел я вам сразу рассказывать, но придется. Пытались уже украсть наше сокровище — из городского музея. Бог сохранил, сигнализация сработала, злодея повязали. Так вот, то ли он сболтнул кому, то ли еще как, но ходили слухи, что заказ ему сделал какой-то коллекционер, вроде бы из-за границы, который хотел заполучить наш камень. Потому я, когда метеорит в село привозили, был за него спокойнее, чем когда он в музее лежал. И вот поди ж ты...

Ника и Виктор договорились с потерпевшим — и по совместительству подозреваемым — быть постоянно на связи и вышли из сельсовета, чтобы сориентироваться на местности. Они снова очутились на главной площади, в центре которой переливалась огнями искусно наряженная большая елка — не срубленная, а живая. Разноцветные

огоньки, то гаснувшие, то ярко вспыхивающие, добавляли ей загадочного очарования. Цветные блики прыгали по снежной шапке, которая высилась на уснувшем до лета фонтане, — как будто кондитер-великан приготовил гигантскую порцию взбитых сливок...

Ника смотрела по сторонам и представляла себе, как похититель выносит артефакт из сельсовета: «Куда он мог его понести? Правильно, куда угодно. Пожалуй, такими темпами к разгадке и до Троицы не приблизишься...»

Ничего не подозревавшие жители и гости Малых Метеор самозабвенно праздновали Рождество. С разных сторон доносились смех и пение: по дворам ходили колядовщики. На площади народ толпился вокруг вертепа — тоже живого, а не кукольного. Среди зрителей Ника увидела Светку. Та заметила друзей, заулыбалась и протиснулась поближе.

— Мне стало лучше, — рассказала Света, скромно опустив очи долу, — и Тимофей посоветовал пойти подышать свежим воздухом. Он сказал, что с удовольствием составил бы мне компанию, но у него неотложные дела.

«В этот Сочельник здесь у всех почему-то неотложные дела», — подумала Ника.

— Кстати, он еще напомнил, чтоб мы обязательно пришли на праздничный ужин! —

добавила Светлана.

Ника предложила для полноты картины полюбоваться ледяными скульптурами, которые рекламировал Панфил Лукич. Скульптуры, полукругом расположившиеся возле елки, и впрямь впечатляли. Гоголевские персонажи мирно соседствовали с героями пушкинских сказок: здесь были и кузнец Вакула с черевичками в руках, и Солоха, и Царевна-Лебедь, и белка — та самая, которая «песенки поет и орешки все грызет». Правда, орешек в лапках белки гораздо больше походил на шишку. Но особенно удался скульптору Пацюк, поедающий огромные галушки из громадной миски. Даже не верилось, что все это вырезано из обычного льда!

«Добрый вечер, щедрый вечер, — вдруг раздалось совсем рядом. — Дайте вареник! Ложечку каши, наверх колбаски!» На Виктора и девушек налетела вереница колядовщиков и вовлекла в праздничную сутолоку. Все колядующие были в причудливых костюмах, их лица скрывали маски. За собой они тащили на поводке козу, коза сопротивлялась произволу и сердито мекала. Один из колядовщиков, в вывороченном черным мехом наружу овчинном тулупе и маске медведя, подхватил под руку Светлану и стал что-то нашептывать ей на ухо. Света от неожиданности взвизгнула.

— Кто не даст пирога, мы корову за рога, кто не даст пышку, мы тому в лоб шишку! — распевал другой ряженный — в лохматой, похожей на волчью, шубе и белых бурках. Поймав взгляд Ники, он негромко пропел: «Шла Никусенька по льду, потеряла коляду, ты, Никуся, не взыщи, что не надо — не ищи!» Ника попыталась ухватить ряженого за рукав, но он увернулся, отбежал и гаркнул во весь голос: «Будьте здоровы! С Рождеством!»

Колядовщики двинулись дальше, а Виктор, Ника и Светлана повернули к гостинице. Странная колядка не выходила у Ники из головы. «Что не надо — не ищи!» Кто это был и что имел ввиду? Он ей, что ли, угрожал? Или наоборот — хотел предупредить об опасности? Откуда он знает ее имя? И что будет, если она не перестанет искать?..

* * *

Тимофей устроил для своих постояльцев настоящий рождественский ужин. Во главе стола стоял дидух, на столе — двенадцать постных блюд: узвар, кутья, грибная юшка, голубцы, вареники, пампушки, маринованные грибочки... Гостям из дальнего зарубежья хозяин отеля на хорошем английском рассказывал о местных традициях празднования Рождества. Среди приглашенных Ника увидела и начальника пожарников: как

выяснилось, Михаил Ефимович жил бобылем, вот Тимофей и позвал его в гости, чтоб скрасить его одиночество.

Ужин закончился, но гости не спешили расходиться. Виктор что-то обсуждал с Тимофеем, немецким журналистом и чешским фотографом, и не похоже было, чтобы у них иссякали темы для дискуссии. Дверь распахнулась, и впорхнула милостивая девушка с копной медных кудряшек, украшенных нитью золотистого «дождика». Повертев головой, она направилась к Нике со Светой.

— Я Ульяна, племянница Панфила Лукича. Мы с девочками гадать собираемся, дядя просил и вас позвать.

— Гадать?! — хором переспросили Ника и Светка. — На чем?

— На зеркале, на свечах... На чем на святочной неделе гадают?

Ника и Светлана понятия не имели, на чем гадают на святочной неделе. И тут же решили незамедлительно восполнить этот пробел.

— Согласны? Чудненько! Тогда пойдете ко мне, я тут рядышком живу.

Выходя из гостиницы, Ника увидела, что их передвижения для Виктора и его собеседников остались незамеченными, — только Тимофей внимательно посмотрел им вслед.

Ульяна, Ника со Светланой и еще несколько девушек, с которыми «новенькие» быстро перезнакомились, собрались в небольшой, освещенной свечами комнате. Ульяна объяснила Свете, что нужно делать.

— Берешь зеркало, выходишь за ворота, становишься спиной к месяцу, смотришь в зеркало и трижды повторяешь: «Суженый, ряженный, покажись мне в зеркале!» Запомнила?

Светка кивнула, сунула зеркало под мышку, набросила шубку и выскочила из дома. Ника, пока суд да дело, решила расспросить девушек о пожаре — правда ли, что все село кинулось его тушить?

— Правда! — заверила Нику Ульяна. — Мы, если что, всегда всем миром наваливаемся. Кто ж знал, что это учебная тревога!

— А вот и нет! — возразила высокая стройная девушка, которая, когда Ульяна всех знакомила, сказала, что работает горничной в гостинице. — Тимофей на месте оставался. Говорит: «Ты, Доминика, можешь бежать, если тебе делать уже нечего, а у меня полон отель гостей, мне нужно об их безопасности и комфорте заботиться».

— А Михаил Ефимыч? Был на пожаре? — на всякий случай спросила Ника.

— А как же! Куда ж без него? Раньше всех туда на своем снегоходе приехал.

— На снегоходе?